

УДК 94(73)

DOI: 10.35103/SMSU.2022.62.37.051

ВООБРАЖАЕМОЕ ПРОШЛОЕ АМЕРИКИ: МИФОЛОГИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ США

Филимонова Мария Александровна

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу исторической мифологии и исторической политики в североамериканских колониях, а затем США второй половины XVIII в. Рассматривается как зарождающаяся американская историография, так и источники, отражавшие массовые представления, «публичную историю». Ко второй группе источников можно отнести периодическую печать. В ходе исследования использован имагологический метод. Проанализированы релевантные для американцев XVIII в. и высоко мифологизированные сюжеты колониальной истории. Делается вывод о высокой историзации массового сознания в рассматриваемый период.

Ключевые слова: История США; XVIII век; эпоха Просвещения; ранняя историография; историческая мифология

THE IMAGINARY PAST OF AMERICA: MYTHOLOGIZING THE COLONIAL PAST DURING THE FORMATION OF THE UNITED STATES

Filimonova Maria Alexandrovna

Kursk State University (Kursk, Russia)

Abstract

This study is devoted to the analysis of historical mythology and historical politics in the North American colonies, and then the United States in the late 18th century. The author considers both the nascent American historiography and the sources that reflected mass ideas, "public history". The second group of sources includes periodicals. In the course of the study, an imagological method has been used. The article analyzes the subjects of colonial history that were relevant to the Americans of the 18th century and highly mythologized. The conclusion is made about the high historicization of mass consciousness in the period under review.

Keywords: History of the United States; XVIII century; the Age of Enlightenment; early historiography; historical mythology

Введение

«Войны памяти», «мемориальные войны» – неотъемлемая часть современной исторической политики. На протяжении последних десятилетий и в России, и на Западе можно наблюдать, как происходит реформативное пространство исторической памяти. Те, кто еще вчера считался героями, достойными прославления, вдруг по тем или иным причинам оказываются неприемлемыми для современной повестки. Их памятники свергаются у всех на глазах. Принимаются мемориальные законы, в которых предписанное отношение к тому или иному событию фиксируется юридически. Тем актуальнее обращение к опыту мемориальной политики прошлого.

Отсюда цель данного исследования: проанализировать исторические мифы периода становления Соединенных Штатов как независимого государства. Это

позволит определить особенности работы с историческим материалом в эпоху Просвещения, выявить механизмы мифологизации исторических событий и их использование в пропаганде.

Методы

Использован имагологический метод, позволяющий выявить в источниках образы Других. В данном случае в роли Других, причем конституирующих Других для формирующейся американской нации выступали различные исторические лица: «отцы-пилигримы», герои индейской истории, губернатор Новой Англии Эдмунд Андрос. Следует также отметить, что историческая память относится к явлениям, протекающим во времени «большой длительности» (*longue durée*, по терминологии Ф. Броделя), что позволило привлекать материал не только собственно периода Американской революции и ранней республики, но и более широкий контекст американской историографии XVIII в.

Литературный обзор

Мифотворчество – естественное свойство человеческого сознания [8, с. 86]. Мифологизации зачастую подвергаются исторические события и деятели прошлого. В последнее время этот процесс активно изучается историками, политологами, культурологами. Еще в 1920-х гг. М. Хальбвакс, основоположник исследований социальной памяти, ввел понятие коллективной памяти [10]. Сюда он относил представления об исторических событиях, разделяемые определенными социальными группами. Представительница гейдельбергской культур-антропологической школы Алейда Ассман говорит об устойчивости культурной памяти, закрепленной институционально. При этом определенная общность является носителем памяти, а память стабилизирует общность. Она может легитимировать или делегитимировать существующие властные институты [2, с. 29; 3, с. 221–226].

Отечественные исследователи также уделили внимание проблеме исторической памяти. Здесь следует вспомнить классические работы М.А. Барга, посвященные становлению историзма [4; 5]. Развитию коллективной исторической памяти на современном этапе посвящены исследования Н.Е. Копосова, В.А. Шнирельмана, О.Ю. Малиновой и др. Н.Е. Копосов отмечает «подъем памяти» в современном мире, историзацию современного мышления и даже одержимость «изобретенным прошлым» и связывает эти явления со стремлением различных социальных групп легитимировать себя через историю. В то же время, с его точки зрения, историческая политика как стремление определенных общественных сил навязать обществу свое понимание прошлого существовала всегда [6, с. 14–19, 52]. В.А. Шнирельман пишет о проблеме «престижного прошлого», которая определяет стремление современных этносов создать миф о происхождении как основу собственной легитимности [11, с. 12]. Политолог О.Ю. Малинова считает «историзацию» массового сознания характерным явлением современного мира и связывает ее с травматическим опытом XX в., затронувшим миллионы людей и превратившим историю в часть индивидуальной памяти; распространение знаний об истории вместе с обязательным всеобщим образованием; появление современных технологий визуализации прошлого, порождающих эффект присутствия [7, с. 6–7].

В то же время следует отметить, что ни американские, ни отечественные историки не баловали вниманием историческую культуру Войны за независимость.

В фокусе их исследований оказывалось прежде всего формирование культа Дж. Вашингтона, что лишь косвенно связано с исследуемой темой [напр.: 20; 18; 9].

Представляется, что здесь существует пробел, который отчасти призвана заполнить данная статья.

Результаты и обсуждение

Просвещение больше интересовалось будущим, чем прошлым. Время национальных историй пришло немного позже, вместе с романтизмом. Отношение Просвещения к прошлому противоречиво. Прошлое в рамках парадигмы прогресса воспринималось как заведомо уступающее настоящему. Но в то же время имела место идеализация и героизация прошлого. Ярче всего эти особенности проявлялись при восприятии античной истории, которая была для людей XVIII в. ближе и понятнее, чем их собственная. Еще одна характерная черта отношения американцев XVIII в. к истории определялась длительным периферийным положением, которое занимали колонии в Британской империи. История Великобритании была к тому времени хорошо разработана и составляла часть школьного курса. Колониальная историография делала лишь первые шаги. Ной Уэбстер, великий реформатор американского образования, отмечал: «Умы молодежи постоянно обращаются к истории Греции и Рима или к Великобритании» [22, vol. 1, p. 679]⁷.

Национальная история начала формироваться вместе с национальным самосознанием американцев. Исторические труды XVIII в., периодическая печать, документы личного происхождения позволяют оценить, как складывались национальные исторические мифы.

Одна из ключевых мифологем Просвещения – естественное состояние. Индейское прошлое (и настоящее) просвещенческой Америки воспринималось с легкой руки европейских авторов как реальное воплощение естественного состояния – одной из базовых исторических конструкций эпохи. С индейцами связано несколько актуальных для XVIII в. исторических мифов. В их числе попытка найти связь между индейцами и народами Старого Света. На том уровне знаний, когда этнография пребывала в зачаточном состоянии, а генетики просто не существовало, такие попытки лишь множили квазиисторические концепции. Интересно при этом, что представления о генезисе индейцев неизменно подчеркивали их инаковость, их роль Другого для колонистов. Такова «История американских индейцев» Джеймса Адэра (1775). Он считал, что ощущение собственной богоизбранности свойственно иудеям и «краснокожим американцам». Из других параллелей: обычай левирата, жестокое наказание за прелюбодеяние («возможно, ошибочное понимание моисеевых заповедей»⁸ – 146), принцип талиона. По убеждению Адэра, «индейцы строже, чем остальное человечество, привержены неотмененному закону Моисееву: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт 9:6). Подобно израильтянам, сердца их пылают днем и ночью непрестанно, пока они не прольют кровь за кровь»⁹. Наконец, он находил параллели между индейскими языками и ивритом. В итоге делался вывод о еврейском происхождении индейцев [12, p. 34, 38–43, 146–147].

⁷ The minds of youth are perpetually led to the history of Greece and Rome or to Great Britain.

⁸ ...it might be adapted... by misunderstanding the Mosaic precept.

⁹ The Indians strictly adhere more than the rest of mankind to that positive, unrepealed law of Moses, "He who sheddeth man's blood, by man shall his blood be shed:" like the Israelites, their hearts burn violently day and night without intermission, till they shed blood for blood.

Эту же идею развивал в свое время Лас Касас, а из североамериканских колонистов – Роджер Уильямс и Джонатан Эдвардс.

Еще один мифологизированный сюжет индейской истории связан с «королем Таммани». По рассказу Джона Адамса, «Таммани был индейским королем в этой части континента (т.е. Пенсильвании. – *М.Ф.*), когда мистер Пенн впервые приехал сюда. Его двор находился в этом городе. Он был дружелюбен с мистером Пенном и очень услужлив с ним. Он жил здесь среди первых поселенцев некоторое время и до глубокой старости... Здесьние люди почитают его святым и соблюдают его день»¹⁰ [13, vol. 2, p. 229–230]. Реально существовавший вождь делаваров Таманенд (Таммани) подвергался своеобразной санктификации. Он заполнял пустующую нишу святого покровителя Америки. Его культ строился по той же модели, что и культ св. Георгия в Англии или св. Патрика в Ирландии. Разница состояла лишь в том, что культ Таммани не носил религиозного характера.

К началу 1770-х гг. в Филадельфии и Аннаполисе стали проводиться ежегодные праздники в честь Таммани. Они проводились 1 мая, замечая сходные традиции европейского происхождения и одновременно продолжая их. Например, в День святого Таммани, отмечающийся 1 мая 1771 г. в Аннаполисе, был поставлен майский шест, украшенный лентами. Люди танцевали индейские танцы, держа в руках ленты и двигаясь по кругу вокруг шеста. После окончания Войны за независимость празднование Таммани распространилось по всей территории Соединенных Штатов. Оно было настолько важным событием, что в 1785 г. Джордж Вашингтон появился на фестивале Таммани в Ричмонде, вместе с виргинским губернатором Патриком Генри. Общество Таммани в Нью-Йорке провело свой первый фестиваль в 1787 году.

Первое общество Таммани возникло в 1772 г. в Филадельфии, хотя более известен нью-йоркский Таммани-холл. Отличительным их знаком было использование индейского колорита. Лидеры общества именовались сахемами, сами общества разных штатов – племенами. Например, в нью-йоркском Таммани-холл обосновалось Племя Орла, в Массачусетсе – Племя Пантеры, в Пенсильвании – Племя Гремучей Змеи и т.д. Сам Таммани-холл получил название «вигвама». Общества св. Таммани привлекали американцев независимо от происхождения. Герой комедии Уильяма Данлэпа «Отец» (1789) рассуждал: «Мой дед был ирландцем, отец – шотландцем, а сам я англичанин, так что меня приняли во все три общества. Я бы присоединился к св. Таммани, если он меня примет»¹¹ [17, p. 8]. В 1790-х гг., во многом благодаря инициативе Аарона Бэрра, активисты общества видели в нем «политический институт, основанный на прочной республиканской основе, демократические принципы которого послужат в какой-то мере исправлению аристократии нашего города»¹² [24, p. 202]. Так общество превратилось в политическую машину джефферсоновских республиканцев.

А вот другая архетипичная фигура индейской истории – Покахонтас – хотя и была известна в XVIII в., совершенно отличалась от знакомого нам образа из

¹⁰ Tammany was an Indian King, of this Part of the Continent, when Mr. Penn first came here. His Court was in this Town. He was friendly to Mr. Penn and very serviceable to him. He lived here among the first settlers for some Time and untill old Age... The People here have sainted him and keep his day.

¹¹ Why, my dear, my grandfather was an Irishman, my father a Scotchman, and I, myself, an Englishman, so I am received into the societies of the three nations. I would join Saint Tammany if he would let me.

¹² ...a political institution founded on a strong republican basis whose democratic principles will serve in some measure to correct the aristocracy of our city...

диснеевского мультфильма. В «Истории Виргинии» Роберта Беверли (1705) Покахонтас фигурирует в непривычной для нас роли. Сюжет спасения Джона Смита здесь отсутствует, а девушка, «превосходная дочь Паухэтана»¹³, способствует заключению договора между ее племенем и колонистами Джеймстауна. Ее брак с Джоном Рольфом приносит с собой прочный мир [15, р. 28]. А общеизвестная история Покахонтас появилась в 1797 г. в хрестоматии для школьников, созданной Ноем Уэбстером.

И Покахонтас, и Таммани связаны с периодом основания колоний, и это не случайно. Здесь проявлялась универсальная закономерность – мифологизация времени первотворения.

В роли первопредков, объектов культа выступали «отцы-пилигримы» Нового Плимута. Случалось, что американцы пытались вписать собственную историю в мировую историю. Так, Томас Принс в «Хронологической истории Новой Англии» (1736) начинал изложение событий с сотворения Адама. Но чаще они возводили свое «первотворение» к 1620-му году – к прибытию корабля «Мэйфлауэр» к берегам Новой Англии. Канонический образ «отцов-пилигримов» создавала Мерси Отис Уоррен в своей «Истории Американской революции» (опубликована в 1805 г., но создана раньше этой даты): «Угнетенные в Британии деспотическими королями и преследуемые яростью прелатов, они бежали в далекую страну, где желания людей были ограничены потребностями природы; где цивилизация не создала тех искусственных желаний, которые для своего удовлетворения слишком часто ломают все моральные и религиозные связи»¹⁴ [23, vol. 1, р. 5]. Историк Ханна Адамс, как и Мерси Уоррен, уроженка Новой Англии, употребляла в отношении «отцов-пилигримов» клише «пламенная любовь к свободе». Она писала в своей «Общей истории Новой Англии» (1799): «Пламенная любовь к свободе, непоколебимая привязанность к правам человека, желание и стремление передать их отдаленнейшему потомству были принципами, определявшими их поведение...»¹⁵ [14, р. 28].

Мифологизация «отцов-пилигримов», вероятно, облегчалась тем обстоятельством, что о ранней истории Массачусетса в тот период мало что было известно. Записи У. Брэдфорда о поселении в Плимуте – основной источник, повествующий об «пилигримах», – были найдены лишь в 1853 г. Зато здесь были задействованы сразу две просвещенческие мифологемы: естественное состояние и общественный договор. История «пилигримов», казалось, идеально вписывалась в готовую модель. Их прибытие в Америку описывалось как возвращение к природе. Так, Дж. Адэр в своей «Истории американских индейцев» приписывал им «естественную жизнь» в согласии с «законами разума» и «честной природой»¹⁶ [12, р. 432]. А вот как рассуждал политик-виг (т.е. сторонник прав Америки,

¹³ the Excellent Daughter of Powhatan.

¹⁴ Oppressed in Britain by despotic kings, and persecuted by prelatic fury, they fled to a distant country, where the desires of men were bounded by the wants of nature; where civilization had not created those artificial cravings which too frequently break over every moral and religious tie for their gratification.

¹⁵ ...an ardent love of liberty, an unshaken attachment to the rights of men, with desire to transmit them to their latest posterity, were the principles, which governed their conduct.

¹⁶ The old men tell us, they remember our colonies in their infant state, -- that when the inhabitants were poor and few in number, they maintained prosperous wars against the numerous combined nations of red people, who surrounded them on all sides; because in those early days, the law of reason was their only guide. In that time of simplicity, they lived after the temperate manner of the red people. They copied after honest nature, in their food, dress, and every pursuit, both in domestic and social life.

революционер) С. Даунер из Род-Айленда (1768): «Наши предки с согласия своего государя эмигрировали из Англии, чтобы избежать чудовищных преследований, которые тогда происходили в той стране. Они претерпели всяческие беды и трудности, пока не сумели как следует закрепиться в Новом свете...»¹⁷. Далее он рисовал идеализированный образ «отцов-пилигримов», которые знали «роскошь, расточительность и распущенность лишь по имени»; поощряли развитие религии и образования; создавали мудрые законы. «Словом, ни одна страна никогда не знала подобного счастья»¹⁸ [16, р. 3–4]. Ранний Массачусетс (а Новый Плимут впоследствии стал частью именно этой колонии) становился материалом для «ретроспективного утопизма» [термин используется Т.В. Артемьевой: 1, с. 9–10]: в прошлом будущие основатели США, как им казалось, находили тот период, когда царил гармония и свобода.

Создание колониальных хартий переосмысливалось в соответствии с парадигмой общественного договора. Сэмюэль Адамс выстраивал стройную теорию: первопоселенцы колоний могли рассматриваться как находящиеся в естественном состоянии. Они обладали естественными правами, и ни одно правительство на Земле не могло лишить их малейшего из этих прав. «Отцы-пилигримы» могли связать себя общественным договором с любым народом мира, но предпочли создать собственное правительство и избрать короля Англии своим королем по собственной свободной воле [21, 17.03.1766]. Отсюда прокидывался «мостик» в современность. Автор статьи в «Boston Gazette» был уверен: массачусетцев преследуют за то, что «их предки успешно сопротивлялись тирании»¹⁹ [21, 13.02.1769]. «Пилигримы», таким образом, выступали для американских революционеров-вигов конституирующим Другим, в сравнении с которым они выстраивали собственный образ как наследников и продолжателей их борьбы за свободу.

Вокруг «отцов-пилигримов», как и вокруг «короля Таммани», формировались определенные ритуалы. В 1769 году семеро потомков пассажиров «Мэйфлауэр» основали Клуб Старой колонии в честь дня высадки «пилигримов». Так впервые в Америке был отпразднован День предков (Forefathers' Day). В «Истории Новой Англии» (1804) Джедедии Морзе и Элайджи Пэриша День предков описывается как религиозный праздник: «После публичного богослужения, чтобы сильнее запечатлеть в умах положение достойных предков, моллюски, рыба, молотые орехи и жертвы из леса составили часть благодарственной трапезы»²⁰ [19, р. 45].

Если в колониальной истории американцы XVIII в. находили архетипичных героев, то был там и архетипичный злодей: Эдмунд Андрос, губернатор доминиона Новая Англия (1686–1689). Сама история этого административного образования не могла не быть одиозной в глазах американских патриотов. Как уже говорилось, в колониальных хартиях они видели документальную фиксацию общественного

¹⁷ Our forefathers, with the permission of their sovereign, emigrated from England, to avoid the unnatural oppressions which then took place in that country. They endured all sorts of miseries and hardships, before they could establish any tolerable footing in the new world.

¹⁸ In fine, no country ever experienced more perfect felicity.

¹⁹ The people of Boston are unfortunately descended from a race of ancestors who were the successful opposers of arbitrary power, and are therefore more particularly obnoxious to those who wish to establish a ministerial despotism.

²⁰ After public worship, more forcibly to impress their minds with the circumstances of their meritorious forefathers, clams, fish, ground nuts, and victims from the forest, constitute a part of their grateful repast.

договора. И именно эти хартии король Яков II отменил, объединив северные колонии в доминион Новая Англия. Андрос к тому же вызвал негодование своими действиями: попытками использовать пуританские молельные дома для англиканских богослужений, ввести новую систему налогообложения и перерегистрацию земельных участков. Он был свергнут в 1689 г., когда до Новой Англии докатилась Славная революция.

Отношение к нему со стороны революционеров XVIII в. было соответствующим. Ханна Адамс писала: «Сэр Эдмунд Андрос начал свою администрацию с высоких заявлений о заботе об общественном благе. Однако вскоре он явил свой произвол и обогатил себя и своих последователей путем самых дерзких нарушений прав народа»²¹ [14, p. 143]. В «Boston Gazette» Андрос упоминался наряду с наиболее ненавистными английскими роялистами предыдущего века: Страффордом, Лодом, Кларендоном [21, 23.05.1768]. С ним же сравнивали непопулярного в Массачусетсе королевского губернатора Бернарда. Славная революция и свержение Андроса представлялись оправданным и законным сопротивлением угнетению, образцом для поведения современников и участников Американской революции.

По итогам исследования можно выделить следующие результаты. Историческая память в эпоху становления США формировалась во многом в соответствии с теми же закономерностями, что и историческая память современных молодых государств. В частности, обращает на себя внимание стремление «переизобрести» собственное прошлое и использовать его для легитимации новорожденной государственности.

Новизна исследования состоит в самой постановке проблемы: историческая культура Американской революции XVIII в. до сих пор не была предметом специального исследования. Представляется также новым использование имагологического метода, позволяющего раскрыть роль исторических деятелей как конституирующего Другого для формирующейся американской идентичности.

Заключение. Даже в исследуемую эпоху – век Просвещения, ориентированный на прогресс, а отнюдь не на идеализацию прошлого, – историзация массового сознания, несомненно, присутствует. Для поколений 1760-х – 1780-х гг. в Америке, переживших распад империи и становление новой государственности, история имела первостепенное значение. Об этом говорит активная мифологизация прошлого, например, превращение реальных «отцов-пилигримов» в идеальных первопредков, с которыми можно сверять свои поступки. О том же говорит стремление к визуализации истории через ее ритуальное воспроизведение (День предков, общества Таммани). Историзация мышления была связана также со стремлением найти собственную идентичность в условиях, когда прежняя, имперская, оказалась разрушенной. История также использовалась как материал для «ретроспективной утопии». Историческая культура второй половины XVIII в. в североамериканских колониях, а затем в США впервые становится предметом анализа в отечественной историографии.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по ранней истории США, историографии и культуре этой страны.

²¹ Sir Edmund Andros began his administration with high professions of regard for the public welfare. He soon, however, exhibited his arbitrary character, and enriched himself and his followers by the most daring violations of the rights of the people.

Литература

1. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопии в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 251 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 325 с.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 547 с.
4. Барг М.А. Шекспир и история. М.: Наука, 1979. 222 с.
5. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
6. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
7. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.
8. Ставицкий А.В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 86–92.
9. Ушаков В.А. Джордж Вашингтон: формирование имиджа «отца страны» // Клио. 2000. №1. С. 232–234.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
11. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 603 с.
12. Adair J. The History of the American Indians. L.: E. & C. Dilly, 1775. 464 p.
13. Adams Family Correspondence: 4 vols. / ed. by L.H. Butterfield. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963.
14. Adams H. A summary history of New-England: from the first settlement at Plymouth, to the acceptance of the federal Constitution. Dedham [Mass.]: Printed for the author, by H. Mann and J.H. Adams, 1799. 513 p.
15. Beverley R. The History of Virginia. Richmond: J. W. Randolph, 1855. 264 p.
16. Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty... Providence: Printed and sold by John Waterman, 1768. 16 p.
17. Dunlap W. The Father: Or, American Shandyism, a Comedy. N.Y.: Dunlap society, 1887. 68 p.
18. Longmore P.K. The Invention of George Washington. Berkeley e.a.: University of California, 1988. 337 p.
19. Morse J., Parish E. A Compendious History of New England: Designed for Schools and Private Families. Amherst. N.H.: Thomas & Whipple, no. 2, State street, 1809. 336 p.
20. Schwartz B. George Washington. The Making of an American Symbol. N.Y.–L.: Free Press, 1987. 250 p.
21. The Boston-Gazette, and Country Journal. 1766–1769.

22. The Founders' Constitution: 5 vols. / ed. by R.B. Kurland and R. Lerner. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1987.

23. Warren M.O. History of the Rise, Progress, and Termination of the American Revolution: 2 vols. Indianapolis: Liberty Classics, 1988.

24. Young A.F. The Democratic Republicans of New York: The Origins, 1763–1797. Chapel Hill: UNC Press Books, 2012. 656 p.

References

1. Artemeva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu buduschemu. Filosofiya istorii i utopii v Rossii epohi Prosvetsheniya [From the Glorious Past to the Bright Future. Philosophy of History and Utopia in Enlightenment Russia]. St. Petersburg: Aletheya, 2005. 251 p. (In Russian).

2. Assman A. Dlinnyaya ten proshlogo. Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 325 p. (In Russian).

3. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost istoriey [Forgetting History – Obsessed with History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 547 p. (In Russian).

4. Barg M.A. Shekspir i istoriya [Shakespeare and History]. Moscow: Nauka, 1979. 222 p.

5. Barg M.A. Epohi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and Ideas. Formation of Historicism]. Moscow: Myisl, 1987. 348 p.

6. Kuposov N.E. Pamyat strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii [Strict-mode memory. History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 p.

7. Malinova O.Yu. Kommemoratsiya istoricheskikh sobyitiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as a Symbolic Policy Tool: Comparative Analysis Opportunities] // Politiya. 2017. # 4. Pp. 6–22.

8. Stavitskiy A.V. Mif kak smyslovaya matritsa kultury i ee universaliya. Mif v istorii, politike, kulture [Myth as a Semantic Matrix of Culture and its Universal. Myth in History, Politics, Culture] [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov in the city of Sevastopol, 2020. Pp. 86–92.

9. Ushakov V.A. Dzhordzh Vashington: formirovaniye imidzha «ottsa strany» [George Washington: Forming the Image of the "Father of the country"] // Klio. 2000. #1. Pp. 232–234.

10. Halbvaks M. Sotsialnyie ramki pamyati [Social Framework of Memory]. M.: Novoe izdatelstvo, 2007. 348 p.

11. Shnirelman V.A. Voynyi pamyati: mifyi, identichnost i politika v Zakavkaze [Wars of Memory: Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia]. Moscow: IKTs «Akademkniga», 2003. 603 p.

12. Adair J. The History of the American Indians. L.: E. & C. Dilly, 1775. 464 p.

13. Adams Family Correspondence: 4 vols. / ed. by L.H. Butterfield. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963.

14. Adams H. A summary history of New-England: from the first settlement at Plymouth, to the acceptance of the federal Constitution. Dedham [Mass.]: Printed for the author, by H. Mann and J.H. Adams, 1799. 513 p.
15. Beverley R. The History of Virginia. Richmond: J. W. Randolph, 1855. 264 p.
16. Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty... Providence: Printed and sold by John Waterman, 1768. 16 p.
17. Dunlap W. The Father: Or, American Shandyism, a Comedy. N.Y.: Dunlap society, 1887. 68 p.
18. Longmore P.K. The Invention of George Washington. Berkeley e.a.: University of California, 1988. 337 p.
19. Morse J., Parish E. A Compendious History of New England: Designed for Schools and Private Families. Amherst. N.H.: Thomas & Whipple, no. 2, State street, 1809. 336 p.
20. Schwartz B. George Washington. The Making of an American Symbol. N.Y.–L.: Free Press, 1987. 250 p.
21. The Boston-Gazette, and Country Journal. 1766–1769.
22. The Founders' Constitution: 5 vols. / ed. by R.B. Kurland and R. Lerner. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1987.
23. Warren M.O. History of the Rise, Progress, and Termination of the American Revolution: 2 vols. Indianapolis: Liberty Classics, 1988.
24. Young A.F. The Democratic Republicans of New York: The Origins, 1763–1797. Chapel Hill: UNC Press Books, 2012. 656 p.

Сведения об авторе:

Филимонова Мария Александровна

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

E-mail:

Bionotes:

Filimonova Maria Alexandrovna

Leading Researcher, Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences (Kursk, Russia).

Для цитирования:

Филимонова М.А. Воображаемое прошлое Америки: мифологизация колониального прошлого в период образования США // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 65–74.

For citation:

Filimonova M.A. The Imaginary Past of America: Mythologizing the Colonial Past during the Formation of the United States // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 65–74.